Сокольников

БРЕСТСКИЙ МИР

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ГК120
С 676

Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика.

„Пролетарии всех стран, соединяйтесь!“

ГК120
С676

Г. Сокольников.

БРЕСТСКИЙ МИР.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.
Москва.—1920.

ГК120
С 676
Библиотека
Института Ленина
при Ц. К. В. К. П. (б.)
оф
11008
(463
21)
4540с.1
1069616

„Гиз" № 756. Напечатано 50.000 экз.

1-я Государственная тип. (бывш. Т-ва Сытина). Пятницкая 71.
МОСКВА—1920.

Г
С
Библиотека
Института Ленина
при Ц. К. В. К. П. (б.)
465
27

Брестский мир.

I.

18 февраля 1918 года в двенадцать часов дня и одну минуту немецкое наступление в пределы России возобновилось после двухмесячного перерыва. На отклонение аннексионистского мира и отъезд русской делегации из Брест-Литовска, господин Кюльман и генерал Гофман отвечали крестовым походом против большевизма. Они неоднократно иронически заявляли, что «большевистская дипломатическая тактика в Бресте построена на расчете на немецкую революцию, но так как этот расчет неправилен, то и весь большевистский план осужден на неудачу». Теперь немецкие стратеги и дипломаты держатся, вероятно, несколько другого мнения о правильности «большевистского плана», но тогда, в дни Бреста, они в упоении справляли свой праздник, представлявшийся им кануном, прологом такого же победоносного конца на другом, западном фронте.

Остатки старой русской армии бежали при появлении ничтожной разведки немцев; немногочисленные, неорганизованные, лишенные общего руководства, молодые красноармейские отряды отходили, не будучи в состоянии оказывать мало-мальски серьезное сопротивление; немецкие войска в несколько дней дошли, вернее доехали, до Пскова, до Орши, Гомеля, грозили Петрограду и дороге из Петро-

града на Москву, наконец, заняли Киев и широкой полосой вторглись в Украину.

19 февраля состоялось ночное заседание Центрального Комитета Коммунистической партии, одновременно заседал и Ц. К. левых эсэров. В нашем цека большинство было за признание вынужденной необходимости подписать мир на условиях, заявленных Кюльманом. Среди левых эсэров за мир было меньшинство, за войну большинство. В ту же ночь состоялось заседание Совнаркома, и радио о согласии подписать мир было отправлено в Берлин. Будет ли дан ответ на него, возобновятся ли переговоры— это казалось в тот момент весьма сомнительным. Шансы на остановку немецкого наступления казались ничтожными. О планах берлинского штаба империалистов можно было только смутно догадываться: решили ли они попытаться свергнуть правительство революционного пролетариата и поставить на его место правительство буржуазно-помещичьей реставрации, или же, не решаясь «завязнуть» в русских делах и русских пространствах, немецкие генералы и дипломаты ограничатся той или иной данью насильно взятой с революционной страны? В действительности, они пошли путем компромисса и колебаний: на севере они ограничились аннексией, на юге (Украине) сочли выгодной оккупацию; на севере со скрежетом зубовным поддерживали «мирные» отношения с правительством рабочих и крестьян, на юге произвели открытую реставрацию дореволюционного строя; наконец, объявили на весь мир о походе на большевиков во имя восстановления «порядка» и через две недели прекратили свой поход, отказавшись от священной войны за «высшие» интересы буржуазных классов. Поставленные между двух огней: англо-американским империалистским соперником на западе и рабочей революцией на востоке,— немецкие банкиры, юнкера, биржевики и промышленные короли то в надежде на соглашение «на западе» неистово

набрасывались на «большевизм», то в надежде разгромить «английских безбожников» спешили кое-как обезопасить свой тыл с востока [1]).

Но получив русское радио о согласии на насильнический мир, руководители германской политики поняли поворот курса, сделанный Советской властью, еще более смутно, чем по эту сторону границы мы предугадывали дальнейшее направление политики Людендорфа-Кюльмана. В плоской речи, произнесенной 20 февраля в общем заседании рейхстага, этот последний заявил, что хотя русское радио получено, но для полной уверенности в том, что здесь нет какой-нибудь ловушки, необходим письменный документ за собственноручными подписями членов Петроградского правительства; что если даже «Троцкий и его кабинет» возобновят переговоры о мире, то все же надо подождать радоваться миру до тех пор, «пока не просохнут чернила на подписях под текстом мирного договора». Хитроумные деятели кюльманского «кабинета» настолько не доверяли большевистскому «миролюбию», что предполагали в мирном предложении только маленькую военную хитрость: большевики, желая остановить наступление, на-

---

[1]) Повидимому, и после „одностороннего“ выхода России из войны 10 февраля по формуле „войны не вести, мира не подписывать“ в германских правящих кругах был момент колебания. Его внешним признаком служит то обстоятельство, что немецкие газеты перепечатали заявление Троцкого в Бресте о прекращении войны, не снабдив его никаким правительственным комментарием. 11 февраля в городах были вывешены флаги по случаю заключения „мира“. Через несколько часов пришел приказ—флаги снять. 12 февраля в газетах вновь начали печатать: военный бюллетень „великорусского и румынского фронта“. Но только 16 февраля появилось в газетах официозное сообщение о том, что немецкое правительство считает срок перемирия истекающим и оставляет за собой свободу действий. В рейхстаге (20 февраля) консервативный оратор граф Вестарп жаловался на „ошибки“ телеграфного бюро Вольфа, которое ввело немецкий народ в заблуждение и патетически восклицал: „Немецкий народ не заслужил, чтобы его заставляли переживать такие разочарования“. Сам граф Вестарп был, конечно, вполне „очарован“ блестящей развязкой на Востоке!

мерены, видимо, вновь начать переговоры, предложить перемирие и тем выиграть время для сосредоточения частей на фронте. От этого недоверия немецкие делегаты действительно отказались вполне только тогда, когда увидели на оригиналах договора подписи русских уполномоченных. В ночь на 23 февраля немецкое радио, подписанное генералом Гофманом, известило Совет Народных Комиссаров, что текст немецкого ультиматума передан русскому курьеру, доставившему подлинный текст русского мирного предложения. Согласно последнему пункту гофманского ультиматума (для ответа на который дано было 48 часов) русской делегации предстояло немедленно выехать в Брест-Литовск и в трехдневный срок подписать там мир. На заседании Центрального Исполнительного Комитета Советов германский ультиматум был принят 126 голосами против 85, при 26 воздержавшихся. Днем 24 февраля пришло известие о вступлении немцев в Псков. В ночь с 24 на 25 февраля мирная делегация покинула Петроград. Всеобщая мобилизация рабочих только что была объявлена; из рабочих районов к Смольному одна за другой с лихорадочным оживлением спешили группы рабочих. Фабричные гудки взволнованно ревели. Столица октябрьской победы готовилась встретить врага, двигавшегося на нее с неслыханной быстротой. Пролетариат вооружался для героической легендарной борьбы, в то время как воспрянувшие духом буржуа и мещане сладострастно грезили о приходе «серых батальонов в стальных касках». В этой обстановке революционного лагеря, подымающегося для последней борьбы, мирная делегация Советского правительства, получившая мандат капитулировать перед победоносной армией империализма, выехала в Псков [1]).

---

[1]) Состав делегации: председатель — Сокольников, члены—Чичерин, Петровский, Карахан.

II.

Железнодорожное сообщение с Псковом было уже прервано, мосты между Псковом и ст. Торошино и железнодорожный мост за Торошиным взорваны. По направлению к Луге по обе стороны полотна тянулись непрерывной равнодушной вереницей тысячи и тысячи солдат старой армии, покинувших фронт. В виде исключения остатки какого-то кавалерийского полка с батареей отступали походным порядком. У Торошина путь был забит эшелонами, которые по обоим путям успели эвакуироваться из Пскова. Железнодорожные служащие и крестьяне с тупым индиферентизмом готовились к приходу немцев.

Не доезжая Торошина, поезд делегации остановился. Вдвоем с Т. Петровским, мы в сопровождении трех матросов отправились дальше на дрезине. Проезд дрезины с белым флагом мало привлекал внимание отступавших толп. Редкие, задававшие вопрос: «кто едет», узнав, что едет мирная делегация, удовлетворялись ответом и не проявляли дальнейшего интереса. В верстах шести от Пскова пришлось слезть с дрезины и продолжать путь пешком, ибо, по уверению подрывников, этот участок пути был минирован и дрезина рисковала бы взлететь на воздух. Надо, впрочем, признаться, что если путь был минирован так же удачно, как «удачно» были попорчены мосты, то опасность «взлететь» была более теоретической, чем реальной: в самом деле, большинство мостов были оставлены отступавшими частями в полной исправности, попорченные могли быть немедленно исправлены, серьезно поврежден между Двинском и Псковом был только один мост перед Псковом. Вечером в полной темноте мы подошли к городу. Пощелкивали одиночные выстрелы, в стороне вид-

нелось зарево: это догорал на шоссе брошенный и подожженный обоз, автомобили, артиллерийский парк.

Первый попавшийся навстречу немецкий патруль препроводил нас в ближайшую караулку. Взвод солдат высыпал на двор, с удивлением разглядывая нас. «Кто вы такие?» — Мирная делегация российского правительства. «А вы не большевики?» — Мы большевики. — «Так ведь большевистское правительство бежало. Нам сказали, что наш флот занял Петроград, а Ленин и Троцкий скрылись». Мы постарались их разуверить в правильности сообщенных им сведений. Солдаты держали себя без всякой враждебности. Унтер-офицер отправился с нами, чтобы доставить нас, по нашему требованию, в штаб бригады, занявшей Псков. По дороге он засыпал нас вопросами, что такое красная гвардия, почему Троцкий отказался подписать мир, чего хотят большевики. С первых слов он с своей стороны заявил, что немецкие солдаты воевать не хотят; что во всех полках идут разговоры о том, что «берлинские господа» затягивают войну; что некоторые части 13 февраля отказались наступать, ответом на что были расстрелы. Второй «конвоир» настаивал на том, что они пришли не воевать против русских рабочих, а освободить немцев. «Ведь здесь повсюду немцы,—говорил он не без удивления.—Нам кажется, что мы в Германии: все говорят по-немецки, встречают нас цветами». Это была официальная версия, официальная мотивировка наступления.

Штаб немецкой бригады расположен был на вокзале, выбитые окна которого красноречиво свидетельствовали о силе взрывов, произведенных при отступлении в городе для уничтожения хоть части военного имущества. Бригадный генерал, для которого появление мирной делегации было полной неожиданностью, принял нас, однако, вполне корректно и на запрос, приготовлен ли поезд для нашего дальнейшего следования, откровенно сообщил, что в виду

«слишком быстрого продвижения» он утерял связь со штабом восточного фронта, но немедленно по ее восстановлении известит генерала Гофмана о нашем прибытии и закажет поезд. В противуположность бригадному, лейтенанты, снующие по вокзалу, бросали на ненавистных «большевиков» взгляды более, чем выразительные, и в разговоре между собой без обиняков выражали надежду, что делегацию не пропустят в Брест. Бригадный, вполне входя в роль хозяина, с глуповатой благодушностью предупредил, что так как они «только сегодня приехали» (!), то еще не успели «как следует устроиться» (!), но что он постарается насчет ночлега для нас.

Гостиница, где нам отвели комнаты, являла зрелище своеобразной «реставрации»: старый хозяин уже успел вернуться на старое место, и по требованию немецкого офицера товарищество официантов вернуло ему ключи. Официанты ходили угрюмые, подавленные восстановлением «старого строя». Австрийский офицер из военнопленных назначен был комендантом гостиницы. Осведомившись о составе нежданных гостей и узнав, что только мы с Петровским члены делегации, а трое матросов наша охрана, он распорядился на ломаном русском языке: «Этим двум господам дать самый лучший комнаты, сейчас приготовить самый лучший ужин; этим трем господам тоже дать комнаты, приготовить ужин, не надо самый лучший». Заметив наши улыбки, приставленный к нам унтер-офицер полюбопытствовал узнать, в чем дело, и был немало удивлен узнав, что согласно нашим нравам мы будем есть и спать вместе без различия официального положения. В час ночи, едва я успел задремать, кто-то меня разбудил: это пришли проститься унтер-офицер и второй солдат. Они долго жали мне руку и уверяли, что не по доброй воле участвуют в наступлении и что всей душой надеются на скорое заключение мира.

III.

На следующий день утром мы отправились снова в штаб бригады за ответом из Бреста о дальнейшей поездке. Ответа еще не было. Мы остались сидеть в помещении штаба, присматриваясь к происходящему. Комендант штаба принимал делегации и отдельных просителей. Омерзительная картина «белой» подлости и черной реставрации развертывалась перед нами. Тут были помещики, просившие о назначении в их распоряжение немецких солдат; владельцы фабрик, приходившие заручиться поддержкой; директор местного Юнкер-банка, явившийся с предложением своих услуг по части опознания местных большевиков; целая серия доносчиков, сообщавших о спрятанном оружии и заложенном динамите; военные шпионы; делегация хозяевпортных, просившая заказов и разрешения понизить тариф; наконец, делегация от русских офицеров. Надо отдать должное псковским офицерам,—на этом экзамене гнусности они, несомненно, побили рекорд. Оратор этой делегации начал с приветствия немецким войскам, вступившим в город. Русские офицеры защищали свою родину, но не намерены защищать большевиков. Поэтому они заявляют, что более в войне не участвуют. Наоборот, они окажут всяческое содействие немцам в их борьбе с большевиками. Для этого делегация офицеров просит немецкое командование разрешить устройство общего собрания офицеров в Пскове для организации общественного мнения офицерства в желательном направлении.

Этой речи комендант штаба немецкой бригады явно не оценил и не понял. Он не поверил! Презрительным тоном он ответствовал, что, конечно, русские офицеры в войне более не могут принимать участия, так как они военно-

пленные. Собрание не будет разрешено. «А вашей помощи против большевиков нам не нужно, с большевиками мы справимся сами». Делегация русских офицеров пробовала возражать и настаивать, и тогда ее безцеремонно попросили удалиться.

На улицах Пскова было небывалое оживление. Гуляла нарядная толпа. Несколько валявшихся тут же убитых лошадей, которых не успели прибрать, напоминали, что вчера был бой. На перекрестках стояли дружелюбно рядом немецкий солдат и белогвардейский милиционер с белой повязкой. Кое-где белые повязки шли поспешным шагом на обыск или тесно окружали пойманного и отправляемого на расстрел матроса. Попы останавливались и разговаривали с богато одетыми дамами и слышно было: «Слава Богу... Словно праздник настал...» По стенам еще висели цветные афиши о лекциях и митингах, но на них был наклеен поверх белый листок с немецким и русским текстом—приказ немецкого командования о сдаче оружия. Город спешно опутывался проволокой—немецкого полевого телефона.

Днем прибыла остальная часть мирной делегации. Появление длинной процессии саней (члены делегации, военные эксперты, технический персонал) произвело сенсацию. С быстротой молнии распространился слух, что «бежавшие из Петрограда Ленин и Троцкий через Псков спасаются в Берлин». У здания гостиницы собралась огромная толпа, устроившая кошачий концерт «изменникам» и требовавшая, чтоб «Троцкий» вышел к ней. Улица гудела от криков и от отчаянных ругательств. Несколько человек ворвалось в комнату т. Карахана, ошибочно принятого за Троцкого. Караул не без труда очистил гостиницу от исступленных манифестантов.

Между тем штаб бригады получил уведомление, что поезд для делегации прибудет вечером к взорванному

мосту (в нескольких верстах от Пскова). К гостинице были поданы автомобили. Собравшаяся снова толпа, осыпая выходивших делегатов проклятиями, вопила: «предатели, отдали нас немцам, а сами бежите». Среди таких напутственных кликов автомобили тронулись. Сопровождавший нас офицер не удержался, чтобы не заметить: «Однако ваши соотечественники провожают вас далеко не благожелательно». На что я отвечал: «Да, они принимают нас за Ваших друзей». Офицер замолчал. Он мог бы, разумеется, сослаться на утренние сцены в штабе в доказательство расположения псковского населения к немцам. Но ему, несомненно, представлялось совершенно непостижимым, почему русские офицеры и русские буржуа, утром явившиеся заключить с немцами союз, вечером неистово обвиняли большевиков в «измене». Подобно коменданту штаба-бригады, подобно всему немецкому командованию вплоть до самых верхушек, он не понимал того, что «патриотизм» реакционных классов был только маскирующим прикрытием неистовой белогвардейщины. Вот почему через несколько дней по занятии Пскова немецкое командование отправило всех русских офицеров в тыл для интернирования. Только позднее оно полностью оценило своих новых пламенных союзников и должным образом использовало их услуги для борьбы с большевизмом.

Мытарства наши, однако, на том не кончились. Поезд, высланный из Двинска, запоздал вследствие того, что путь оказался забит немецкими эшелонами, спешно перебрасывавшимися на Псков. Делегация провела ночь в железнодорожной будке у взорванного моста. В той же будке почевал немецкий караул—человек десять солдат железнодорожного батальона, только что снятого с австрийского фронта. В самых причудливых позах перемешались прикурнувшие немецкие солдаты и русские делегаты. Сидели и лежали на нарах, скамейках, на чемоданах и узлах.

Чадила керосиновая лампочка, на протянутых веревках сушилась солдатская одежда и белье. С большим трудом караульная смена пробиралась между и через нагроможденные тела спящих стенографистов, военных экспертов, баварских саперов, членов В. Ц. И. К. Уже немолодой немецкий офицер, командированный из штаба бригады для сопровождения делегации и всячески старавшийся дать понять, что он не «враг», волновался и все бегал смотреть не подошел ли поезд. Но поезд подошел только утром. До утра мы просидели в будке, похожие скорее на заплутавшихся путников, чем на официальную делегацию.

Затем мимо Двинска, мимо опустевших окопов, разрушенных землянок, проволочных заграждений немецкий экспресс по перешитой русской колее доставил нас в Брест-Литовск, в «главную квартиру» восточной армии германского империализма, расположившуюся на остатках «стального гиганта»—брестской крепости, бывшей когда-то гордостью и надеждой обанкротившегося царизма, этого в своем роде «гиганта», развалившегося без остатка.

IV.

Немецкий ультиматум давал нам три дня сроку для ведения и окончания мирных переговоров. Людендорф и Кюльман, предъявляя это условие, явно хотели гарантировать империалистскую Германию от повторения того издевательства над нею, которое представляли предыдущие переговоры, служившие для «всемирной пропаганды» большевизма. Длинные и утонченные дебаты—Кюльман и граф Чернин контра Троцкий—кончились. Не выдержав характера, империалистические партнеры брестского состязания заменили оружие дипломатической аргументации более надежной атакой в штыки. Из-за спины господина Кюль-

мана выступил потерявший всякое терпение генерал Гофман, между тем как граф Чернин незаметно ретировался. Трения и разногласия, возникшие между Германией и Австрией на этой почве, тщательно скрывались, и только по отдельным намекам, как раньше по жалобам Чернина на немцев, можно было угадать, что происходило за парадными ширмами, в дипломатической кухне. В австрийском парламенте министр-президент Зейдлер торжественно провозгласил 19 февраля, то-есть на другой день после возобновления немецкого наступления, что состояние войны между «петроградским правительством» и Австро-Венгрией закончилось и, насколько можно предвидеть, больше не возобновится. Зейдлер прибавлял, что «Германия, внимая немецким призывам о помощи, раздающимся из Эстляндии и Лифляндии, решилась двинуться дальше вглубь (России), чтобы спасти от верной гибели несчастных соотечественников, населяющих эти провинции. Мы в полном согласии с нашими верными союзниками пришли к решению не принимать участия в этой военной операции».

Немецкий ультиматум от 23 февраля, который имел цель «убить» большевистскую политику выжидательного маневрирования, в то же время сам должен был явить собой применение основных принципов «освободительной» политики империализма. Очищение Эстляндии и Лифляндии от красной гвардии и русских войск, равным образом вывод красной гвардии и русских войск из Украины и Финляндии—вот главнейшие дополнения, которые внесены были в германский ультиматум заново сравнительно с условиями, которые были ранее предъявлены в Бресте и которые теперь отдавали в руки «берлинских господ» Польшу, Литву, Лифляндию, Эстляндию, Курляндию, Финляндию и Украину, под флагом освобождения угнетенных царизмом и... большевиками малых народностей и возвращения немецких земель под родную крышу.

Таким образом, немецкий план состоял в том, чтобы против стихии классовой борьбы, из которой рождался потрясающий красным знаменем революции большевизм, поднять стихию национальной борьбы и затопить в конфликтах наций разгорающееся столкновение классов. Повсюду буржуазия маленьких наций встретила с восторгом этот план, который позволял ей рассчитывать на поддержку тех темных народных масс, которые трудно было бы надуть при ярком свете классовой борьбы, но которых, очень легко было одурачить, напустив шовинистский угар. Союз немецкого империализма с буржуазией бывших русских окраин состоялся в этой форме, но он был неминуемо осужден на поражение, поскольку экономически «освободители» вынуждены были прибегнуть к нещадному грабежу «освобожденных» стран, чтобы по мере сил остановить свое все более и более прогрессирующее в результате войны и блокады продовольственное и промышленное истощение, и тем самым восстановили против себя „освобожденные» массы, попавшие под ярмо двойной эксплоатации; с другой стороны поскольку политическое могущество финансово-милитаристской олигархии в Германии расшатывалось немецким пролетариатом, «высвобождавшимся» из тенет лакействующего и предательского «социализма».

Под дулом револьвера (статс-секретарь Кюльман в немецком рейхстаге мягко говорил о «примененном военном давлении») революционной России было предложено в трехдневный срок санкционировать «освободительный» ультиматум, демобилизоваться и прекратить всякую официальную или официально поддерживаемую пропаганду и агитацию против центральной коалиции.

Без особой надежды на успех, советская делегация тотчас по приезде в Брест передала письменное заявление председателю немецкой делегации Розенбергу, требуя, в виду начала мирных переговоров, немедленной остановки военных

действий против России, указывая, что в обстановке продолжающегося немецкого наступления никакое обсуждение условий мира не будет возможным. Переговоры на этот счет с Розенбергом, в течение которых он неоднократно подчеркивал, что в нашем распоряжении «всего три дня», «всего три раза двадцать четыре часа», не привели ни к какому результату. Предложение остановить военные действия было отклонено «верховным командованием». Мы имели дело с империалистским Шейлоком, который твердо решил получить причитающийся ему фунт мяса. Полную невозможность для нас оказать какое-либо сопротивление одинаково понимали как мы, так и наши враги. (Надо, однако, отдать им должное: ни разу ни в чем они не допустили никакой некорректности по отношению к делегации. Они точно так же «безупречно» держали себя в течение заключительного акта брестской трагедии, как держали себя в первом акте при подписании перемирия 5 декабря (н. ст.) в Бресте. Разделение труда в капиталистическом обществе нашло свое прекрасное выражение в этом контрасте беспардонного разбоя на фронте и бонтонного джентльменства за зеленым столом).

Еще в Петрограде, на заседании Центрального Комитета Коммунистической партии, была рассмотрена такая ситуация, в которой какое бы то ни было обсуждение условий мира, предложенных немцами, будет бесплодным и нецелесообразным. Однако делегация не была связана определенными директивами. Уже в Бресте, после того как выяснилось, что наступление не останавливается, несмотря на начало мирных переговоров, и что немцы поддерживают ограничение переговоров трехдневным сроком, делегация единогласно постановила отказаться от каких бы то ни было попыток смягчения, внесения поправок в немецкие условия. Совершенно явно и бесспорно было, что ничего существенного добиться нельзя; что торжествующие побе-

дители, может-быть, уступят, может-быть, даже захотят уступить в каком-нибудь пустяке для того, чтобы скрасить неприкрытое безобразие империалистского насилия. Но это последнее было отнюдь не в наших интересах. В наших интересах была революционная ясность. В наших интересах было, чтобы мир, заключенный в Бресте, никому не мог быть выдан за продукт «сердечного соглашения», чтобы мир этот носил явную печать торжествующего по всей линии империалистского насилия, с одной стороны, вынужденной революционной капитуляции—с другой стороны. Заключаемый мир был для нас только антрактом без длительных исторических последствий. Мы подходили к нему с агитационной стороны. И если раньше, до февральского наступления немцев, советская делегация обсуждала с дипломатами немецкого императора условия мира, не подписывая их, то теперь революционная политика приводила нас к противоположной политике—подписания мира без всякого обсуждения навязанных советской республике условий.

Библиотека Института Ленина 1069616

V.

Предъявленный нам в Бресте 1 марта окончательный текст немецких условий мира представлял значительное ухудшение ультиматума 23 февраля, который сам был крупным ухудшением первоначальных немецких условий, предложенных в Бресте до перерыва переговоров. Председатель немецкой делегации фон-Розенберг откровенно заявил, что за это время «изменились обстоятельства», а соответственно этому и требования Германии «изменились». Правда, выражая эту, почти овидиевскую сентенцию, фон-Розенберг не предполагал, что год спустя «обстоятельства» изменятся настолько, что на такой же «Ови-

диев» манер с капитулировавшей Германией будут разговаривать президент Вильсон и генерал Фош).

По оглашении условий мира, в пленарном заседании 1 марта, где присутствовали со стороны противников делегации немецкая, австрийская, турецкая и болгарская, в ответ на предложение начать обсуждение проекта договора в комиссиях, наша делегация заявила об отказе работать в комиссиях. Вслед за тем на совещании председателей мной было сообщено от имени советской делегации наше решение принять условия мира полностью и в том самом виде, в каком они были нам предложены, дабы не могло быть сомнения в том, что это—мир насильственный, дабы не вводить народы России и Германии в заблуждение «обсуждением» мира в трехдневный срок, при продолжающемся наступлении на революционную Россию, демобилизовавшую свою армию. Не особенно находчивый фон-Розенберг пробормотал что-то о недопустимости агитации против немецкого правительства, которая оговаривается в договоре, и, на мой иронический вопрос, «не усматривает ли он способа агитации против немецкого правительства в нашем согласии подписать без обсуждения составленный немецким правительством проект», отвечал смущенно, что он имеет в виду не самое наше решение, а только его мотивировку. На помощь ему пришел болгарский уполномоченный Тошев, в подобострастной по отношению к «имперскому правительству» и вызывающей по отношению к нам речи объяснивший плачевное положение России близорукостью ее собственной политики. Примирительную ноту старался внести австрийский представитель Мерей, меланхолический вид и сдержанное поведение которого неуловимо, но неоспоримо свидетельствовали, что «дружественная» Австрия чувствует себя рядом с «союзной» Германией далеко не в роли победительницы. На эти реплики я отвечал, что, по нашему мнению, ни

время, ни место не соответствуют ведению прений о том, кто прав и кто виноват, и предложил назначить на следующий день, то-есть 2 марта, подписание мира. Таким образом мирные «переговоры» были бы закончены даже не в 72 часа, а всего в 48 часов. Однако этого «удовольствия» наши противники не согласились нам доставить. Они сослались впрочем на техническую невозможность: еще не были отлитографированы оригиналы окончательного текста договора, которые должны быть подписаны. Подписание мира было назначено на 3 марта [1]).

День 2 марта прошел в переговорах о «различных технических деталях, которые закончились «соглашениями» в роде того, что будет оставлено пустое место для подписей Кюльмана и Чернина, которые подпишут текст в Бухаресте (где они в это время под предлогом заключения мира с Румынией «увеселялись» самым бесшабашным образом, скандализируя высокоправственный прусский двор). В этих пустяках принимал самое деятельное участие тайный советник и ученый юрист, немецкий светила и авторитет по вопросам международного права—господин профессор Криге, убеждавший нас, что он видит свое провиденциальное назначение в том, чтобы выработать такие правовые нормы, которые позволяли бы «сосуществование» немецкого капитализма и русского коммунизма. Экономически отдел брестского договора был разработан Криге, и он впоследствии с горечью говорил, что нацио-

---

[1]) После этого заседания секретарь делегации т. Карахан отправил в Петроград депешу с просьбой немедленно выслать поезд для возвращения делегации. Мы исходили из выяснившегося быстрого окончания «переговоров». В Петрограде депеша Карахана была истолкована в том смысле, что грозит разрыв и за подписью т. Ленина всем советам было послано радио с предупреждением о готовящемся разрыве и с призывом к вооружению и крайним мерам охраны. В свой черед, перехватив это радио, немцы не на шутку взволновались и с недоумением запросили, в чем дело. Тогда выяснилось это своеобразное «кви про кво».

нализация внешней торговли, проведенная Советской властью, в корне разрушила его работу. Этот пункт не был предусмотрен в его «системе» согласования капитализма и коммунизма!

Тут же разыгрался небольшой, но чрезвычайно характерный инцидент. Член немецкой делегации морской капитан Горн обратился к русскому эксперту по военно-морским делам адмиралу Альтфатеру с предложением устроить совещание для разрешения вопросов о судьбе боевого и торгового флота и т. п. Свое письменное предложение капитан Горн направил непосредственно адмиралу Альтфатеру. Этот последний вернул ему письмо с пометкой, что всякие предложения должны делаться через председателя делегации. Немедленно вслед за этим фон-Розенберг, глава немецкой делегации, по телефону принес свое извинение за неправильный образ действий капитана Горна и сообщил, что он сделал ему за это замечание. Важность, которую придавали немцы мелочам бюрократического ритуала, с одной стороны, изумляла, с другой стороны, казалась смешной; с одной стороны, в ней чувствовалось отражение мощи векового консервативного уклада, выработавшего фетишизм застоявшихся нерушимых внешних норм; с другой стороны, сквозило совершенно ребяческое и бессильное стремление спастись и отгородиться «бумажкой» там, где никакие прочнейшие «железо-бетонные» плотины не могли бы устоять.

VI.

Непосредственно перед подписанием мирного договора, которое состоялось 3 марта, советская делегация в пленарном заседании мирной конференции сделала два заявления. Одно из них касалось того ухудшения условий,

которое было произведено в окончательном проекте сравнительно с условиями ультиматума 23 февраля и которое заключалось в передаче Турции округов Карса, Батума и Ардагана, без всякого опроса населения этих округов. Констатировав это нарушение принципов национального самоопределения, делегация заявляла решительный протест против него и в то же время разоблачала военные планы Турции по отношению к другим областям Кавказа.

Второе заявление содержало в себе декларацию о брестском мире в целом. В резких выражениях декларация говорила о нарушении перемирия с немецкой стороны, о нападении немецких армий на демобилизовавшую свои войска Россию, заявившую о прекращении ею военных действий. Декларация гласила: «Этот мир не есть мир согласительный, а мир насильнический». Под предлогом освобождения бывших окраин России германский империализм закабаляет Финляндию, Литву, Эстляндию, Лифляндию, Польшу и Украйну, всюду поддерживая там буржуазию и помещиков против рабочих и крестьян, всюду восстанавливая до-революционный порядок. Русская революция ждала поддержки немецкого пролетариата, но она еще до сих пор не пришла. И все же «нет сомнения в том, что торжество германского империализма только временное и преходящее». В сознании этого делегация, отказавшись от обсуждения условий мира, подписывает этот вынужденный империалистами мир.

Во время оглашения декларации в зале конференции стояла гробовая тишина. Лишь генерал Гофман в ответ на фразу о том, что «торжество германского империализма только временное», шумно завозился на своем месте и буркнул вполголоса нечто в роде «опять старые бредни».

Декларация вызвала поток речей. Председательствовавший австрийский посланник Мерей выразил сожаление по поводу того, что в последний день заседания переговоры

не приняли мирного и дружественного характера. Турецкий уполномоченный Хакки-паша изо всех сил доказывал, что параграфы о Карсе, Батуме и Ардагане всецело внушены русской революцией, провозгласившей принцип мира без аннексий и контрибуций. Округа эти, говорил Хакки-паша, были аннектированы русским царизмом в виде территориальной компенсации за неуплаченную Турцией контрибуцию. (Конечно, Хакки-паша умалчивал о том, что округам этим вместо самостоятельности предстоит еще горшее рабство в турецких руках!). В заключение Хакки-паша, не без коварства, которое, несмотря на всю тяжесть момента, не могло не вызвать улыбки, восклицал: «К чему здесь вообще слова о победителях и побежденных? Разве не являемся мы все вместе победителями, и разве не побежден нами общий враг наш — русский царизм?».

Генерал Гофман защищался против обвинения в нарушении перемирия ссылкой на то, что 10 февраля Кюльман в своей речи предупредил Троцкого, что при одностороннем прекращении переговоров прекращается также и перемирие. Фон-Розенберг вычислял, что русская делегация имела для обсуждения условий мира не три дня, а шесть недель и три дня. И он прибавлял: «Россия вовсе не вынуждается к подписанию мира. От свободного решения русского народа зависит принять немецкие условия или продолжать войну. Что же касается немецких рабочих, то они не просят указаний из-за границы».

Согласно решению делегации не вступать в прения и подчеркивать свой отказ не только от переговоров, но и от политических разговоров, я кратко отвечал, возражая против попыток империалистского использования и империалистского извращения принципов национального самоопределения; устанавливая, что вопреки договору о перемирии формальное предупреждение о возобновлении военных действий за неделю ранее не было сделано Германией;

подтверждая, что подписание условий мира происходит в обстановке неслыханного вооруженного насилия.

В два часа заседание было закончено. Оставалось только проделать процедуру подписания. В этот момент генерал Гофман подошел и сообщил, что им отдано распоряжение, согласно которому в три часа дня военные действия против России должны быть приостановлены. В половине шестого мирный договор (политическая часть и дополнения: правовое и экономическое) был закончен подписанием: к этому моменту со времени прибытия делегации в Брест исполнилось ровно семьдесят два часа.

«Победители» были неподготовлены к тому, что «финал» пройдет таким образом. Они заготовили шампанское, которое должно было появиться на сцену в торжественный момент. Но после того как атмосфера была «отравлена» декларацией советской делегации, они почли за благо оставить свои бутылки на леднике. И председатель конференции, австрец Мерей, закрывая заседание согласно предварительному уговору, дабы не вызывать никаких наших реплик, в заключительной речи ограничился принесением благодарности за усиленные труды, как членам делегации, так и переводчикам, стенографам и особенно заведующему литографией!!

В полночь мы выехали из Бреста обратно. Обслуживавшие нас, в отведенных нам бывших офицерских бараках, немецкие солдаты дружественно пожимали нам руки на прощанье, а один из них наивно воскликнул: «Наконец-то мир между нами заключен. Это — счастливейший день моей жизни».

VII.

Однако уже тогда не все в немецкой армии рассуждали так, как этот штабной денщик. Примером тому следующий инцидент: неподалеку за Вильно, дверь в мое купэ вдруг открылась, и в нее проскользнул немецкий солдат. «Что вам надо?» Поспешно притворив дверь, он вполголоса, удостоверившись, что я русский, рассказал, как он, узнав о том, что идет поезд в Россию с мирной делегацией, решил пробраться в нем в Россию. Он был в начале войны патриотом, но понял в последние месяцы, что это война не оборонительная, а война ради завоеваний. В этой войне виновато немецкое правительство, злейший враг немецкого народа. Когда он это понял, то бежал с западного фронта, несколько недель скрывался в больших городах, принимал участие в спартаковских кружках. Затем задумал перекочевать в Россию. Он просит довезти его до русской границы.

Положение председателя мирной делегации, провозящего немецкого дезертира, было не из таких, какие встречаются каждый день. Организовав наблюдение за вагонными проводниками и заняв их разговорами, мы кое-как переправили беглеца в другое купэ, и, в конце - концов, в уборную; снабдили его деньгами; не доезжая Двинска, где предстояла пересадка, он соскочил с поезда. Через некоторое время, я действительно встретил его в Петрограде: он работал в немецкой коммунистической группе.

По эту сторону Двинска, настроение за истекшие всего лишь десять дней резко изменилось. «Завоеватели» показали свои когти. На станциях железно-дорожники бросались к нам, умоляя о защите и прося добиться для них разрешения на выезд в Россию. Крестьяне жгли усадьбы помещиков, вернувшихся под охраной немецких солдат, и

по ночам зарево во многих местах освещало небо. По лесным тропинкам крестьяне перебегали на «русскую сторону», спасая себя, семьи, уводя скот. Белый террор свирепствовал в городе и в деревне. В ответ на него партизанские отряды, росшие как грибы, вели с немцами ожесточенную борьбу. В Пскове вместо праздничной и улюлюкающей толпы мы увидели теперь толпу подавленную и робкую. С тревогой нас спрашивали, не отходит ли Псков к Германии, и не могли удержаться от выражения радости, узнав, что Псков и Двинск остаются лишь во временной немецкой оккупации.

Линия фронта проходила в нескольких верстах к востоку от Пскова. Военные действия формально были остановлены, но в действительности еще продолжались, хотя не особенно энергично. Немцы продолжали сосредотачивать войска в районе Пскова. Мы обгоняли бесконечные эшелоны на железной дороге, обгоняли обозы и батареи, в образцовом порядке, блестя и громыхая, двигавшиеся по шоссе. Крупные упитанные лошади, крепкие фургоны и повозки, прекрасно снабженные солдаты,—все это мерно двигалось на восток, как живое олицетворение победоносного наступления могучего империалистического колосса на только что народившуюся рабочую республику. Каким контрастом с нищей разоренной Россией являлась эта армия «богатой» капиталистической Германии! И мы спрашивали себя: скоро ли настанет день, когда эта страшная и, казалось бы, несокрушимая военная машина обратится против своих господ и творцов и обрушит на их головы свою потрясающую силу уничтожения, гибели, смерти... Мы не колебались в уверенности, что этот день придет. Но мы знали, что ожидание этого дня будет томительным и трудным. Из горечи поражения и уничтожения вырастала смертельная ненависть к империалистскому победителю. И вместе с ней росла и крепла решимость: достав-

шуюся дорогой ценой отсрочку пользовать для подготовки к новой борьбе, не теряя ни одной минуты. Конечно, было ясно, что советская республика должна готовиться к этой борьбе не ради «патриотического» реванша, не ради отмщения, но для того, чтобы не быть жалко и беспощадно раздавленной, если новый сигнал к бою прозвучит раньше, чем наступит утро пролетарской свободы в порабощенной юнкерами и банкирами Германии.

Не без скрытого удовольствия выслушивали мы жалобы немецкого командования на действия партизанских отрядов. Партизаны ночью пробирались в Псков и нападали на часовых. Партизаны окружили в лесу и уничтожили немецкую заставу. Партизаны подбили два немецких аэроплана, и немецкий генерал тревожно осведомлялся о судьбе офицеров-летчиков. (Он имел тем большее основание тревожиться, что немцы не щадили попадавшихся в их руки партизанов и расстреляли под Псковом даже взятую в плен шестнадцатилетнюю девушку, сестру милосердию при матросском отряде). Несмотря на подписание мира боевые схватки продолжались, пока нейтральная зона не разделила противные стороны более основательно. Крестьяне охотно шли в партизанские отряды и требованиям оружия не было конца. В деревнях население делилось с солдатами всем, чем могло. Этот энтузиазм не выдержал серьезного испытания, и «медовой месяц» длился не особенно долго. Но в эти дни под Псковом партизанская организация революционной обороны казалась героическим чудом. В прежде пустынном лесу бродили патрули; дороги и перекрестки охранялись заставами при пулеметах. Завидев издали нашу процессию (делегация возвращалась на автомобилях, предоставленных немцами в наше распоряжение для проезда до Торошина,—это были наши русские автомобили, только что захваченные в Пскове), по поднятой тревоге два батальона немедленно рассыпались в цепь и

чуть-чуть не открыли по мирной делегации огонь к великому страху немецкого лейтенанта, командированного с автомобилями. Однако мы благополучно доехали до Торошина. Нас проводили в штаб революционной «армии». Штаб помещался в двух купэ ободранного вагона второго класса. Две свечки освещали разложенные карты. Командующего, не спавшего уже несколько суток, теребили со всех сторон. Узнав, что мир действительно подписан, он выразил удовлетворение. И в самом деле—импровизированные отряды, храбро вставшие под Псковом на пути завоевателей, не были силой, способной оказать длительное серьезное противодействие. Для этого нужна была новая армия, новая, но обученная и организованная. А для того, чтобы создать такую армию, крепкую армию пролетарского государства, нужно было прежде всего—время.

VIII.

Итак, штаб берлинских империалистов торжествовал. Мир на востоке был заключен, и генерал Людендорф на совещании в ставке обещал не позже июля на западном фронте отбросить французские войска к Пиренеям. Пресса военной партии подчеркивала, что не дипломатическому искусству Кюльмана, а военному гению Людендорфа и Гинденбурга Германия обязана успешной развязкой на востоке. «Крестовая Газета» насмешливо доказывала, что «именно здесь обнаружилось полное банкротство согласительно-примирительной политики Эрцбергера». «Локаль-анцейгер» рекомендовал «возвести благодарный взор к главной ставке—к кайзеру, который развязал руки Гинденбургу и Людендорфу». Разгромив восточного противника, немецкие империалисты отбрасывали мысль о компромиссе с англо-французскими империалистами. Война,

затихавшая на пространстве между Балтийским и Черным морем, с новой силой разгоралась между Северным и Средиземным морем, и из великой буржуазной войны продолжала вырастать великая пролетарская революция.

Поражение Германии осенью 1918 г. повело к тому, что революционное движение в ней вспыхнуло раньше, чем в Англии и Франции, где победа подземных революционных сил отсрочивается миражем рекламной «победы» буржуазных правительств. При ином исходе событий на фронте возможен был бы и другой вариант: первой «жертвой» революции в Западной Европе могла бы оказаться не Германия, а какая-нибудь страна из лагеря «союзной» коалиции. Революционный костер запылал бы в другом месте, но искры его все равно разнеслись бы по всей Европе.

В этих условиях «выход» русской советской республики из войны был верным «дипломатическим» шагом, именно в смысле дальнозоркой, исходящей из правильного «научного» прогноза дипломатии, не имеющей ничего схожего с талейрановским торгашеством. Правда, в ответ на брестский мир «союзная» коалиция повела против пролетарской республики новую войну. Но из двух врагов, этот враг—англо-франко-американцы—был, конечно, менее опасным для новой России врагом. Не имеющая с Россией общего сухопутного фронта и вынужденная прибегать к медленным и рискованным десантным операциям, лишенная единства политического и экономического, равно как единства стратегического, наконец, поставленная перед задачей новой и к которой она ранее не готовилась, коалиция «союзников» была противником менее грозным, чем Германия, войска которой, продолжая операцию, начатую в 1914 году, могли бы наступать не задерживаемые никакими естественными препятствиями вглубь русских

равнин, руководимые единым командованием в осуществление единого плана и единого интереса [1]).

Таким образом, попытка «выигрыша времени», рассчитанная на развитие и победу революции пролетариата в Европе, диктовала заключение мира с Германией. Допустим обратную гипотезу: советская Россия не подписала бы мира в Бресте. Для того, чтобы оказать мало-мальски серьезное сопротивление немецкому наступлению, ей пришлось бы в таком случае прибегнуть к военной помощи противоположной коалиции, пришлось бы заключить «союз» с «союзниками». Тогда капитуляция перед империализмом была бы посерьезнее брестской, ибо это была бы не военная, а политическая капитуляция. Судьба правительства Чайковского и прочих эсэровских правительств, пытавшихся опереться на военную интервенцию союзников, в этом отношении вполне показательна.

С другой стороны, прекращение войны с Германией открывало границу для «мирного» проникновения вглубь этой страны идей революционной борьбы и коммунизма. Страна наиболее организованного пролетариата подпадала под непосредственное воздействие ненавистного буржуазии «большевизма». Нелегальная работа русских большевиков, пропаганда немецких коммунистов, прибывших из России, возвращение десятков тысяч пленных солдат из России — все это были первостепенной исторической важности факторы, которые немало содействовали оформлению и организации коммунистической партии в Германии, росту революционного брожения в массах, катастрофическому разложению германской империалистической армии, разгром который осенью 1918 г. в значительной мере объясняется тем, что она была подорвана и ослаблена изнутри.

---

[1]) «По нашим рассчетам для оккупации всей России нам нужно двадцать пять дивизий». (!) заявил мне как-то в Бресте немецкий офицер.

Прекратив войну, начатую царем, с Германией, советская республика не прекратила и не могла прекратить своей борьбы против нее своими методами. «Кельнская Газета» справедливо писала на другой день после заключения брестского мира: «Со скрежетом зубовным вынуждены были анархо-коммунистские властители, стоящие у руля в Петрограде, принять наши новые условия, после того как они убедились, что их отравленные стрелы пропадают безрезультатно. До самого последнего момента они продолжали свою предательскую тактику—уничтожение нашей мощи путем разнуздания сил переворота. Невские властители не изменили своего духа; наоборот, они были и остаются нашими смертельными врагами, несмотря на то, что они вынуждены были теперь поставить свои имена под мирным договором». Такова верная характеристика большевизма, данная в немецкой газете. И в это самое время вся «союзническая» и купленная союзниками «нейтральная пресса» травила большевиков, как немецких агентов, и напуганный большевизмом до полного обалдения гражданин Эрве писал в своей «социалистической» газете, что единственное «спасение» России, преданной «максималистами», желающим ее «онемечить», состоит в «восстановлении царизма»!

История показала, что «спасение России» нашло другой путь: возрождение «России» происходит и произойдет не путем царистской реставрации, а в формах пролетарского государства. Но в качестве такого Россия может существовать, лишь будучи элементом в системе рабочих советских республик, победивших—на первое время хотя бы только в Европе. Советская республика в России продержалась и укрепилась, опираясь на процесс развития рабочей революции в Западной Европе, и теперь наступает момент, когда развитие рабочей революции в Европе

начинает, в свою очередь, опираться на фундамент советской республики в России.

Империалистский «Брест», разыгранный на западном фронте мировой войны (в Версале) так же мало осуществил задачу установления единой буржуазной диктатуры, возносящейся над хаосом буржуазной конкуренции, как мало восточный «Брест» осуществил разгром пролетарской диктатуры в России, концентрующей в себе идею мировой солидарности рабочих. Крушение политики Кюльмана и крушение великолепных «принципов» Вильсона; гибель монархии центральной Европы и блистательное фиаско «Лиги наций»; позорный конец немецкой оккупации в Польше и Украине и восстание азиатских колоний против английского империализма,—все это связанные историческим родством звенья капиталистического банкротства. Все это — последовательные этапы крушения буржуазной эпохи, на мрачных развалинах которой уже лихорадочно работает зодчий новых веков—пролетариат.

Г. Сокольников.

Южный фронт.

Библиотека
Института Ленина

1 р. 25 к.

Цена 8 р.

Ценою, указанною на книге цена не может быть повышена.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.
1920 г.